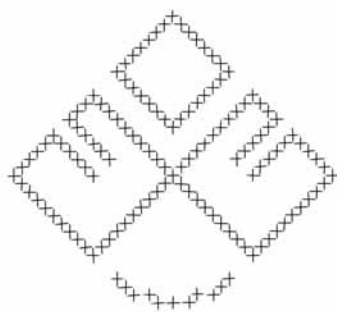

Богдн

— **Д** а где ее черти носят, у меня сейчас нос отва-
лится!
Облачко пара у лица Благы растаяло, оставив на
очках морозные искры.

Я поежилась:

— Может, пробки.

— Ага, пробки. Опять, наверное, у зеркала проторчала.
«Розовая или алая», — спародировала подруга интонации
княжны.

— Иди, если хочешь. Я автобус дождусь, брат с утра еле
завелся, вдруг у них тоже машина сломалась.

Благана поджала губы и саркастично кивнула. Ну да,
Ольгин отец скорее Сивку-бурку вещью каурку напрокат
возьмет, чем свою царевну на автобусе отправит, но сейчас
я готова верить и в это.

— Пусть хоть на ступе летит, Кикимора ряженая...

Натянутый на лицо шарф задубел, и каждый приветствен-
ный кивок ледяными иглами впивался в щеки. Я скрючилась
и рьяно пыталась засунуть руки по локоть в карманы, потому
что варежки не спасали, а муфта не самый модный аксес-
суар в этом сезоне и пылится на верхней полке в шкафу.
Наверняка моду придумывают люди, которые больше пяти
метров по морозу и не ходят. Вообще пора запретить зада-
вать тренды на зиму!

Блага уже бормотала известные проклятия, чтобы не
больно, но поучительно, когда из-за поворота вынырнул

черный внедорожник «ГТТ». Пританцовывая, мы отошли от школьных ворот и нахохлились, уподобившись снежным бабам на главном проспекте.

Дверь машины распахнулась, едва она успела затормозить в паре метров от нас.

— Благана! А ну заткнись! — заорала Ольга. — У меня уже голова зудит. Не дай Влас опять перхоть будет, я тебя к Митяю приворожу!

— Ты лучше пунктуальность к себе приворожи! Время видела?

Ольга запахла шубку из лисицы, брезгливо опустила свои красные сапожки на снег и засеменила к багажнику:

— Едренкина холодрыга... Ну задержалась, подумаешь! Вот, — вытащила она небольшую черную сумку. — Как договаривались.

Я взяла сумку и протянула взамен папку с тетрадями. Ольга повернула голову и кому-то лучезарно улыбнулась, после чего заграбастала папку и сунула ее за пазуху.

— С вами приятно иметь дело, — подмигнула она мне и легкой поступью двинулась ко входу.

Без шапки, без варежек, а идет по снегу, как по подиуму. Разницу между пухом старого гуся и мехом молодой плутовки я хорошо понимала, но что-то подсказывает: если бы мою куртку не дырявили мириадами бережных стежков, было бы теплее. Железобетонная логика: загнись когда-нибудь от холода, но зато фиг кто меня до того момента сглазит.

Мы проводили взглядом княжескую паву и быстро двинулись следом. Наша одежда за время ожидания будто покрылась слоем льда и теперь тихо потрескивала.

— Познакомила на свою голову, — причитала Блага, ослабляя шарф.

В лицо ударил горячий воздух тепловентилятора, и мы за секунду переместились из морозилки в печку. Зимой все коридоры школы по обыкновению были заставлены горш-

ками с цветами, которые переносили со внутреннего двора, и пахло здесь как в оранжерее. Еще и факультатив Благаны внес свою лепту, заняв все верхние полки в раздевалках сухоцветами и пробирками.

— И куда вам столько, — сказала я, глядя на ящики, полные желудей. Взгляд зацепился за синее пятно на полу. — Это еще что такое?

Благана стащила с головы шапку, и курчавая золотая шевелюра укутала ее широкие плечи. Она подошла ближе и с любовью уставилась на питомцев класса «В»:

— Зимний пруд.

— Пруд, значит. — Я разглядывала детский надувной бассейн, где плескались жабы. — И на кой? Помнится, прошлую зиму они неплохо и в банках пережили.

— Ну ты садюга, Мила. Жалко же!

— В банках жалко, а в котел, значит, не жалко? Думаешь, джакузи — это их последнее желание?

— Это мое последнее желание! — захохотала подруга. — А они тут и плодятся хорошо, глянь, — показала она на стайку мальков. — Экзамены в следующем году.

— Вилочки и крючочки, — кивнула я.

— Именно.

Мы прошли к самым дальним шкафчикам. Я огляделась, будто не все здесь еще в курсе моего плачевного положения, и стянула куртку. Новая рубашка к новому семестру с ожерельем оберегов на подоле, горловине и рукавах свисала почти до пят, и был в ней всего один плюс: валенок только носы и торчали.

Благана даже не сдерживала смешки, оценивая мой винтажный наряд, испещренный алым шитьем вдоль и поперек, потому что похожа я была на бабу на самоваре.

— Ну а что, зато никакой синтетики, защита от сглаза, нечистой, кикимор, чароврат. А это что? — уставилась она на вышивку на груди. — Леля?

— Н-да...

— И зачем, скажи на милость, матушка впаяла тебе оберег обаяния и привлекательности на самое видное место?

— А ты как думаешь? Мне уже семнадцать, Блага.

— Точно-точно. Еще три года, и она запишет тебя в вековухи.

— Не слышу сожаления, — усмехнулась я.

— Не дожدهшься! — Блага послала мне воздушный поцелуй и принялась закатывать рукава. — Ну давай, показывай, чем нас на этот раз порадуют модные дома, может, чего велико будет.

Мы расстегнули сумку и с лицами заядлых модниц начали оценивать шмотки. Нашим гардеробам до бомонда было как до Тридевятого царства, у Ольги же вещей попроще не водилось, а щедрости ей не занимать, особенно после того как в прошлой четверти за мои сочинения, мои практические и мои домашки ее физиономию повесили на доску почета. Ходят слухи, отец ей за это пони подарил, а тут всего лишь новая лимитированная коллекция от ЛадыЛюкс, которую волхвы благословляют перед каждым показом.

Я скинула валенки и быстро залезла в новые джинсы с дырками на задних карманах. Обереги на такой одежде тоже были, но в большинстве случаев изящной полоской на подгибах, а не на всю штанину.

Мать узнает — придушит.

Ну хоть сомневаться в качестве шитья не приходилось. Это вам не массмаркет; у люксовых брендов технологи вмиг работы лишаются за некачественный товар, ведь люди, которые это носят, богатые и успешные, а значит, сглазу подвергаются ежесекундно. По силе модное шитье, конечно, в разы уступало материнским стежкам, но лучше уж так, чем в рубахе!

— Издевательство какое-то. — Благана достала из сумки блузку и приложила ее к себе. — У вас за два года вообще размер не изменился.

— Врожденная грация. Не попишешь. — Я, посмеиваясь, примеряла кардиган, с которого даже этикетку не срезали.

 КАТЯ МАТУШ

— Ты губу-то закатай, грация. Как тетя Ведана тебя еще насильно кормить не начала? Только про таких, как Ольга, говорят: стройная березка, а ты просто худая, как скелет. Чуешь разницу?

— Бе-бе-бе...

Я запрятала платье-рубаху в шкафчик, туда же скинула валенки и потянулась снимать с себя килограммы серебряных оберегов.

— Ты это, — указала Благана на подвеску, — молвинец хоть оставь.

— Думаешь?.. Он у меня на носках еще есть.

— Ноги-то ноги, но грудь тоже не мешает прикрыть. Я не хочу опять смотреть, как ты при смерти от ОРВИ валяешься.

И долго она будет припоминать мне случай трехлетней давности?

Спорить я не стала, вернула кулон на шею и сама удивилась вырвавшемуся вздоху облегчения. Вряд ли кто-то в школе будет мне завидовать или наводить порчу, но за время каникул я всегда успевала привыкнуть к своей обережной броне и теперь чувствовала себя без нее будто голый. Голой и модной.

Отлично!

Большая благодарность моему любимому мужу, который очень помог в написании этого романа — доблестно добывал нам еду и совсем не мешал мне над ним работать.

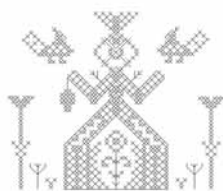
Благодарю своего редактора, который однажды в меня поверил, поддержал и сопровождал на долгом и сложном пути от рукописи до публикации.

Мама, спасибо за поддержку, я тебя люблю.

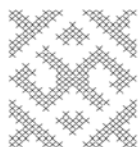

1. *Макошь* — древняя восточнославянская богиня, покровительствующая домоводству, рукоделию и прочим, истинно женским умениям и дарованиям. Прежде всего, она оберегает хозяйку, способствует процветанию ее дома, дарует вознаграждение за усердный труд.

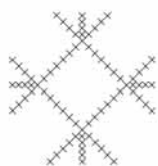
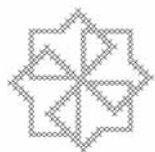

2. *Всеславец* — символ от пожаров, ссор и распрей.

3. *Лельник* — знак Богини Лели для привлечения любви, красоты и молодости.

4. *Молвинец* — подобно щиту защищает носителя от сглаза, порчи, наговоров и напастей.

5. *Целебник* — знак огня, изображаемый на оберегах для ослабленных и больных людей, помогающий им преодолеть недуг.